

М. А. Кронгауз^a<https://orcid.org/0000-0003-2956-0565>✉ mkronhaus@yandex.ru**И. В. Фуфаева**^a<https://orcid.org/0000-0003-0952-8461>✉ iriel@inbox.ru^a *Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва)*

ГЕНДЕРНЫЙ СДВИГ В ПРАГМАТИКЕ ОБРАЩЕНИЙ

Аннотация. Целью статьи является обобщение целого ряда конкретных прагматических изменений, характерных для функционирования русских обращений, которое мы предлагаем называть гендерным сдвигом. Гендерный сдвиг в прагматике обращений состоит в нестандартном их употреблении в гендерном аспекте, когда обращения к женщинам, такие как *мамочка*, *матушка*, употребляются в адрес мужчин, а обращения к мужчинам, такие как *товарищ*, *дружочек*, *чувак*, употребляются в адрес женщин. В статье отмечается, что гендерный сдвиг в прагматике обращений происходит в определенных условиях и выражает определенные типы отношения к собеседнику: покровительственное, как к равному, своёское и т. д. Так, употребление женских обращений в адрес мужчин связано с покровительственной позицией говорящего, как правило старшего по возрасту и статусу; эти обращения выражают ласковое, покровительственное, добродушное отношение старшего к младшему. Употребление же мужчинами фамильярных и даже мужских обращений в адрес женщин может выражать отношение к ним не просто на равных, но и как к «своему брату», принятие женщин в сообщество типа «мужского клуба». Употребление фамильярных приятельских мужских обращений в коммуникации между девушками может отражать стремление к переносу в женское сообщество отношений, аналогичных отношениям в мужских неформальных сообществах. Во всех этих случаях мы говорим не о гендерно нейтральных обращениях, а о гендерном сдвиге, связанном с десемантизацией (семантическим опустошением), что ощущается носителями языка как живой процесс. Методами исследования послужили анализ корпусов и опрос-анкетирование

Ключевые слова: прагматика, семантика, обращение, десемантизация, семантическое опустошение, гендерный сдвиг, слова-отношения, термины родства, вторичное употребление, патриархальность, равенство

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект «Политкорректность в русском языке и русской культуре» № 19-78-10081).

Для цитирования: Кронгауз М. А., Фуфаева И. В. Гендерный сдвиг в прагматике обращений // Шаги/Steps. Т. 11. № 1. 2025. С. 252–269.

Поступило 22 марта 2024 г.; принято 25 января 2025 г.

M. A. Krongauz

<https://orcid.org/0000-0003-2956-0565>

✉ mkronhaus@yandex.ru

I. V. Fufaeva^a

<https://orcid.org/0000-0003-0952-8461>

✉ iriel@inbox.ru

^a *Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)*

GENDER SHIFT IN THE PRAGMATICS OF ADDRESSES

Abstract. The purpose of this article is to summarize a number of specific pragmatic changes characteristic of the use of Russian terms of address, which we propose to call a gender shift. Gender shift in the pragmatics of addresses consists in their non-standard use in the gender aspect, when addresses to women, such as *mamochka* ‘mommy’, *matushka* ‘mother’, are used towards men, and typical addresses to men, such as *tovarishch* ‘comrade’, *druzhochek* ‘buddy’, *chuvak* ‘dude’, are employed with women. It is noted in the article that gender shift in pragmatics of terms of address occurs under certain conditions and signals specific types of attitudes towards the interlocutor: patronizing, as to an equal, friendly, etc. Thus, the use of feminine terms of address to men is associated with a patronizing position of the speaker, as a rule, older in age and higher in status. These terms of address express an affectionate, patronizing, good-natured attitude of the elder towards the younger. The use by men of familiar and even masculine terms of address to women can express an attitude towards a woman not just as an equal, but also as “their brother”, acceptance into a community such as a “men’s club”. At the same time, the use of familiar, friendly male terms of address in communication between girls may reflect a desire to transferred to the female community relationships similar to relationships in informal male communities. In all these cases, we are not talking about gender-neutral terms of address, but about a gender shift associated with desemantization (semantic depletion), which is felt by native speakers as a living process. Research methods were used to analyze corpora and conduct surveys.

Keywords: pragmatics, semantics, form of address, desemantization, semantic depletion, gender shift, words denoting relationship, kinship terms, secondary use, patriarchy, equality

Acknowledgements. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project “Political Correctness in Russian Language and Russian Culture” no. 19-78-10081).

To cite this article: Krongauz, M. A., & Fufaeva, I. V. (2025). Gender shift in the pragmatics of addresses. *Shagi / Steps*, 11(1), 252–269. (In Russian).

Received March 22, 2024; accepted January 25, 2025

Введение

В этой статье мы хотим обратить внимание на необычные значения, выделенные у ряда существительных, используемых в качестве обращений, и интерпретировать появление этих значений как единое прагматическое явление под названием «гендерный сдвиг». Мы опираемся на ряд наших исследований (или исследований с нашим участием) [Кронгауз и др. 2023; Кронгауз 2023; Бурас, Кронгауз 2013; Фуфаева 2020; 2022a; 2022b; 2024; Sobko, Fufaeva 2021] и на полученные в них результаты. Также мы обращаемся к классическим толковым словарям русского языка — С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (далее ТСОШ), под редакцией Д. Н. Ушакова (далее ТСУ), А. П. Евгеньевой (далее МАКС)¹, С. А. Кузнецова (далее БТС) и словарю В. И. Даля под редакцией И. А. Бодуэна-Куртенэ [Даль 1903]². Иллюстративный ряд формируется на базе Национального корпуса русского языка (НКРЯ)³, Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ)⁴, корпуса оцифрованных дневников «Прожито»⁵, коллекции Google.Books⁶, в отдельных случаях других источников (в частности, сборников мемуарного характера).

Здесь сразу следует оговорить, что фактически речь идет не о значениях существительных, а о прагматике их использования в качестве обращений. Однако мы понимаем, что прагматика обращений основывается на семантике слов, употребляемых в этой функции, так что ее описание не может обойтись без анализа семантики соответствующего слова.

Далее мы опишем слова с прагматическим сдвигом, особенности которых зафиксированы в упомянутых выше словарях или выявлены в наших исследованиях.

Мамочка и матушка

Эти два слова похожи сразу по нескольким параметрам. Во-первых, они относятся к терминам родства, а именно изначально обозначают одного и того же родственника — ‘родителя женского пола’. Во-вторых, они содержат уменьшительные суффиксы, что во многом определяет их экспрессивность и, возможно, полисемантичесность⁷.

¹ Ниже приводятся только толкования и пометы без грамматических характеристик, а также иллюстрации.

² Статьи из словарей иногда даются полностью, но также сокращаются за счет примеров, грамматической и другой неактуальной для данного исследования информации.

³ URL: ruscorpora.ru.

⁴ URL: <http://www.webcorpora.ru>.

⁵ URL: <https://corpus.prozhito.org>.

⁶ URL: <https://books.google.ru>.

⁷ Связь уменьшительных суффиксов и экспрессивности с метафоричностью и полисемией носит неабсолютный характер. Например, слово *маменька* имеет в словарях всего одно значение: «**МАМЕНЬКА**. Разг. устар. Ласк. к мама. Вы также, маменьки, построже За дочерьми смотрите вслед. Пушкин, Евгений Онегин. Все четыре барышни разом, совершенно тем же тоном и так же в нос, как их маменька, воскликнули: — А-а-а! Андрей Ильич. Куприн, Молох» [МАКС (2): 224].

Принадлежность к терминам родства, в особенности такого близкого, следует прокомментировать особо. Термины родства не только называют соответствующего родственника, но и устанавливают определенную родственную связь, т. е. с семантической точки зрения являются словами-отношениями (см. об этом: [Бурас, Кронгауз 2013]). При использовании таких слов в качестве обращения их семантика преобразуется в прагматические свойства, а именно в качестве семантических актантов подставляются говорящий и адресат, находящиеся в соответствующем отношении. Так, обращение *дед* уместно по отношению к мужчине, являющемуся дедом (т. е. имеющему детей, которые, в свою очередь, имеют детей), со стороны его внука или внучки.

Для терминов родства характерно и так называемое вторичное употребление, когда они обозначают не родственные отношения, а отношения, в чем-то подобные родственным:

Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
(М. Ю. Лермонтов. Бородино, 1837)

Такое преобразование в первую очередь затрагивает термины близкого родства и почти не касается терминов свойства (*тёща, свекровь, племянник* и т. п.) и особенно характерно для терминов родства в позиции обращения. Так, слова *мать* и *отец* могут использоваться как обращения к незнакомым людям (*Проходи, отец* или *Садись, мать*), но в референтном употреблении такого значения не имеют. Соответственно, такие вторичные обращения отражаются в толковых словарях. Именно на них мы и сосредоточим свое внимание и обратимся к лексикографическим описаниям (в ТСОШ статьи о *мамочке* нет):

ТСУ: **МАМОЧКА**, м. и ж. (разг.). 1. ж. *Ласкат.* к мама в 1 знач. *Милая м.* 2. м. и ж. Употр., как ласковое обращение к мужчине или женщине (фам., устар.). *Ты заврался, мамочка, Иван Григорьевич.* Ггль. — *Что ты... вздыхаешь? Чем недоволен, мамочка?* А. Островскй.

МАКС: **МАМОЧКА**. 1. ж. *Ласк.* к мама. — *Ты опять что-то разбила —! — закричала мама из кухни. — Нет, нет, мамочка, я ничего не разбила.* Катаев, Цветик-семицветик.

2. м. и ж. *Прост.* устар. В ласково-фамильярном обращении к мужчине или женщине. [*Ломов:*] *Не имею права рассчитывать на вашу помощь...* [*Чубуков:*] *Ах да не размазывайте, мамочка! Говорите сразу!* Чехов, Предложение. — *Ты на обед сострой пельмешки, Таня. Побольше свинок положи и, знаешь, поджарь их чуточку. Чтобы они, мамочка, смотрели на меня из тарелки эдакими поросятками розовыми.* М. Горький, Трое.

♦ **Мамочки!** (в знач. междом.; прост.) — употребляется для выражения удивления, испуга и т. п. — *Мамочки, я совсем забыла о Родионе! Велела ему набрать корзину и ждать, а сама убежала.* Е. Мальцев, От всего сердца.

В обоих словарях отмечается, что в функции обращения *мамочка* может относиться и к женщине (что естественно), и к мужчине (что несколько странно), и приводятся подтверждающие последнее примеры из Н. В. Гоголя, А. П. Чехова и А. Н. Островского. Следует отметить и целый набор характеристик, представленных как в виде помет, так и в толковании: ласковое, фамильярное, просторечное, устаревшее, что фактически выводит проблему за пределы литературного языка и нормы.

Более подробно обращение *мамочка* рассматривается в статье [Кронгауз и др. 2023], которая полностью посвящена этому слову. Показано, что существуют несколько кластеров употреблений *мамочки* со значительно более четкими прагматическими ограничениями участников ситуации и ситуации в целом. В том случае, когда адресатом является мужчина, выделяются две ситуации [Там же: 114–115]. Так, во-первых, обращение *мамочка* может употребляться в семейном общении в качестве ласкового обращения жены к мужу:

— Одного у нас, Витя, с тобою нет, право! Как бы это было, ты бы меньше скучал. — Что такое? — Детей, мамочка! Хоть бы одного в целую жизнь бог дал на радость! Рымов усмехнулся. — Ты бы, мамочка, очень его любил? (А. Ф. Писемский. Комик, 1851).

Во-вторых, вне семейного общения обращение *мамочка* к мужчине сопровождается покровительственной позицией и выражением добродушного отношения. Можно также отметить, что в этом случае в приведенных примерах говорящий, как и адресат, является мужчиной:

А у меня, Алексей Федорович, к тебе просьба. Надо срочно обработать картограмму вчерашнего подрыва. — Не выйдет. — Отчего же, мамочка? — Девушек, касказать, нет. Все на работе, касказать, генерала. — Так уж и нет? (И. Грекова. На испытаниях, 1967).

Ну, да ладно, попробую! Илья, однако, не решился говорить с самим командиром и отправился с этой просьбой к старшему офицеру. Тот после консульского обеда был сильно «под мухой», и потому долго не мог понять, в чем дело, но когда понял, то выпучил на Илью свои пьяные глаза и стал протестовать: — Что вы, мамочка!.. Да вы не рехнулись ли? Князя к вам вестовым? Да это вы что? (В. В. Сиповский (Василий Новодворский). Коронка в пиках до валета, 1930).

Ситуация со словом *матушка* не сколько отлична. Вот как оно представлено в словарях.

ТСУ: **МАТУШКА**. 1. Мать, мама (устар.). *Мысль о скорой разлуке со мной... поразила матушку*. Пшкн. *У матушки происходило объяснение с отцом*. Тргнв. *Надо мной невала матушка*. Нкрсв. 2. Жена священника (с оттенком почтительности; разг. устар.). 3. Обращение к пожилой женщине (простореч.). *Ну, м.,*

подвинься! Я сам, м а т у ш к а, порядочный человек. Ггль. || Обращение к женщине вообще (разг. фам. устар.). *Ах, м а т у ш к а, не довершай удара!* (Фамусов — дочери). Грбдв. ◊ **По матушке** (ругать, обложить и т. п.; простореч. вульг.) — матерными словами. **Матушки (мои)!** (разг. фам.) — восклицание изумления или испуга; то же, что батюшки (мои)!

ТСОШ: **МАТУШКА**. **1.** То же, что мать (в 1 знач.) (устар. и разг.). *Барыня-м.* (употр. как выражение почтительности). **2.** *перен.* В нек-рых выражениях: то же, что мать (во 2 знач.). *Лень-м. раньше нас родилась* (посл.). *Земля-м.* (в народной словесности). *Русь-м.* (высок.). *Волга-м.* **3.** Обращение к женщине, обычно пожилой (прост.). **4.** Жена священника, а также обращение к ней. *Попадья-м.* **5.** То же, что монахиня (устар. разг.). *Игуменья-м.* ◊ **Матушки мои!** (разг.) — выражение удивления, радости или испуга и разных других чувств. **По матушке пустить (к такой-то матушке послать) кого** (прост.) — грубо выругаться.

Наконец, в МАКС приводятся такие значения:

МАТУШКА ж. **1.** *Устар., обычно почтит.* Мать. *Князь царевну обнимает, К белой груди прижимает И ведет ее скорей К милой м а т у ш к е своей.* Пушкин, Сказка о царе Салтане. [*Батюшка Илюши*] *день-деньской только и знает, что ходит из угла в угол —, нюхнет табак и сморкается, а м а т у ш к а переходит от кофе к чаю, от чая к обеду.* И. Гончаров, Обломов. || *перен.* (в приложении, обычно со словами: «земля», «Русь», «Волга» и т. п.). *Народно-поэт.* Употребляется как постоянный эпитет. *Высоко стоит Солнце на небе, Горячо печет Землю-м а т у ш к у.* Кольцов, Молодая жница. *Эх, кормилица родная, Волга, м а т у ш к а-река! Не видала ты подарков От донского казака!* Садовников, Из волжских песен. *Дед, прости меня. Скорбную память Я твою потревожить решусь. Исходил ты своими стопами Вдоль и поперек м а т у ш к у Русь.* Твардовский, Дорога.

2. *Разг.* Ласково-фамильярное обращение к пожилой женщине. [*Хлестова:*] *Княгиня! Карточный должок?* [*Княгиня:*] *За мною, м а т у ш к а.* Грибоедов, Горе от ума. *Вероятно, всякому приходилось не раз встречать тип необразованной, но умной бабы, преимущественно вдовы, которая — пользуется всеобщим почетом, именуются «м а т у ш к о й».* Гл. Успенский, Нравы Растеряевой улицы. | В приложении для выражения почтительности. — *Он мне: «М а т у ш к а Анна Савишна, разбойники ограбили; самого чуть не убили».* Пушкин, Дубровский. [*Лука:*] *Эх, барышня-м а т у ш к а! Молодая, красивая — только бы жить в свое удовольствие.* Чехов, Медведь.

3. *Разг. устар.* Почтительное название жены священника или принявшей пострижение монахини. *Из горницы — вышла м а т у ш к а, толстая, приземистая женщина, и заговорила сердитым, хриплым голосом: — Это еще кого нелегкая принесла? — За батюшкой приехал.* Л. Толстой, Отец Василий. *Вся новая стройка, за ис-*

ключением каменной келарни и покоев м а т у ш к и -игумены, была деревянная. Мамин-Сибиряк, Я... я... я...

◇ **Матушки (мои)!; матушки светы!** (в знач. междом.) — выражает изумление, радость, испуг и т. п. *Взглянув на стол, она закричала: — М а т у ш к и светы!.. ой!.. ограбили!!* Решетников, Глумовы. **По матушке** (ругать, обругать и т. п.) — матерно.

Важно отметить, что в любом значении слово *матушка* (как и слово *мамочка*) может использоваться как обращение, т. е. обращение может рассматриваться как своего рода сильная позиция, в которой реализуются все значения слов *матушка* и *мамочка* с учетом преобразования семантики в прагматику. Принципиальное же отличие лексикографического описания слова *матушка* состоит в том, что оно всегда связано с женщиной и при обращении может адресоваться к женщине, но не мужчине.

Однако более подробное описание этого слова представлено в статье [Кронгауз 2023], где, в частности, приводятся примеры использования *матушки* как обращения в разговоре двух мужчин:

Охая и крехтя входил Потехин, придерживаясь за большой бок. Его встречал Дмитрий Васильевич радостными восклицаниями. — Все болит? — участливо спрашивает он. — Болит, м а т у ш к а, болит. — Садитесь в уголок, садитесь и выпейте сейчас горячего чая. — Чайку можно, — соглашался тот (П. П. Гнедич. Книга жизни, 1918).

Егор прилег головой к отцу на колени. Он уже не дрожал; рубаха высохла. Только голова была еще мокрая. — Спать хочется, — сказал Егор. — Отдохни, м а т у ш к а, отдохни... (Ф. Д. Крюков. К источнику исцелений // «Русское богатство», 1904).

— А я к себе доктора жду обедать, — сказал Иван Иваныч. — Обещал с пункта заехать. Да. Он у меня каждую среду обедает, дай бог ему здоровья. — Он потянулся ко мне и поцеловал в шею. — Приехали, голубчик, значит, не сердитесь, — зашептал он, сопя. — Не сердитесь, м а т у ш к а. Да. Может, и обидно, но не надо сердиться. Я об одном только прошу бога перед смертью: со всеми жить в мире и согласии, по правде. Да. — Простите, Иван Иваныч, я положу ноги на кресло, — сказал я, чувствуя, что от сильного утомления я не могу быть самим собой; я поглубже сел на диван и протянул ноги на кресло (А. П. Чехов. Жена, 1892).

Задумала моя Лукерья Ивановна пикник в загородной роще устроить. Прекрасно. Выдумали они там дроги какие-то необыкновенные, чтоб полгорода на них усадить, и натурально ко мне: позволь да позволь в эти дроги пожарных лошадей запрячь! Я — туда-сюда; однако переговорил с полициеймейстером, тот, с своей стороны, обнадежил, — бери, м а т у ш к а! (М. Е. Салтыков-Щедрин. Пестрые письма, 1884–1886).

В [Кронгауз 2023] также отмечается, что временной разброс примеров подобных обращений в НКРЯ (1882–1918) в значительной мере совпадает с периодом наиболее частого употребления слова.

Для обоих рассмотренных слов можно говорить о своеобразной десемантизации («семантическом опустошении»), в результате которой исчезает такой компонент значения, как ‘женский пол’ (или ‘женский гендер’). Своеобразие же ее заключается в том, что этот компонент является ключевым для данных слов, и его утрата вообще крайне необычна. Оба обращения выражают позитивное и отчасти покровительственное отношение говорящего к адресату, что скорее вытекает из семантики суффикса, а не корня. Их употребление в основном возможно в «мужском разговоре». Однако *мамочка* может также использоваться в «семейном разговоре» при обращении жены к мужу. Возможно, определенную роль в этих ограничениях сыграло значение покровительства и опеки.

Подобные примеры редки, и трудно делать обоснованные выводы, но повторяемость подобных обращений в одном произведении и у одного автора (например, А. П. Чехова) делает допустимым предположение о стилистической субстандартной (вненормативной) особенности отдельных носителей языка, а также об особенности авторского стиля.

Для А. П. Чехова характерно также подобное использования слова *голубушка*, для которого в словарях не отмечена возможность обращения к мужчине:

Тараша глаза и шевелия пальцами, председатель напился квасу, быстро вытер губы и продолжал: — Очень, очень вам благодарен! Отчего вы меня не известили? Если бы вы имели ко мне чувства, приехали бы ко мне и по-дружески: «Г о л у б у ш к а, Лев Трофимыч, так и так, мол... Такого сорта история и прочее. Я бы вам в один миг всё устроил и не понадобилось бы этого скандала... (А. П. Чехов. Неприятность, 1888).

— Угощать-то чем? Шампанского хотите? Может, устриц желаете? Г о л у б у ш к а моя, столько я от вас деньжищ перебрал в свое время, что и угощения не подберу... — Пожалуйста, не беспокойтесь, — сказал Узелков. — Мне некогда. Сейчас нужно мне на кладбище ехать, церковь осматривать (А. П. Чехов. Старость, 1885–1886).

Важно отметить, что в этих примерах из произведений А. П. Чехова говорящий также мужчина.

Товарищ, чувак, бро и другие

Гендерный сдвиг в обратном направлении развивается у ряда существительных с мужской семантикой. Он очевиден для существительных *друг* и *товарищ*, но наблюдается и у фамильярных мужских обращений,

для которых его трудно было бы предположить, например, *чувак*. Как ласковые обращения к женщинам используются также существительные м. р. *дружок, дружочек, голубчик*, что сопровождается покровительственной позицией и разницей в возрасте или статусе коммуникантов.

Существительное *друг*, субстантивированное прилагательное м. р. со значением ‘другой’, развившее значение ‘близкий приятель’ на базе значения ‘любой человек’, в референтном употреблении иногда используется как гендерно нейтральное, ср. поговорку *Три друга: отец, да мать, да верная жена* [Даль 1903. Стлб. 1233 (ст. «Друг»)], но не в любой синтаксической позиции. В роли обращения существительное *друг* употребляется по отношению к женщине лишь в конструкции *мой друг / друг мой* (возможно, под влиянием франц. *mon amie*), характерной в основном для XVIII–XIX вв. В примере ниже это обращение отца к дочери в ситуации просьбы явно повышает коммуникативный статус адресатки:

Советник. Поди ж ты, друг мой, к гостям и как будто от себя выскажи ты своей свекрови будущей, что я, я наставляю тебя угождать ей (Д. И. Фонвизин. Бригадир, 1769).

Устойчивое употребление слова *друг* в отношении женщины отражено в некоторых словарях; см. в [Даль 1903] в статье «Друг» в дополнении редактора (в квадратных скобках):

|| Близкий человек, приятель, хороший знакомый; а в самом тесном смысле, связанный узами дружбы. [Тоже о женщине. *Но мне ты их скажешь, мой друг, Ты с детства со мною знакома, Ты вся воплощенный испуг*. Некр. <...>].

В БТС эксплицитно оговаривается возможность употребления в отношении жены: «*Сердечный д. Д. жизни* (о муже, жене)».

Существительное *товарищ*, развившее значение ‘близкий, верный друг, единомышленник’ на базе значения ‘компаньон по поездке за товаром’, иногда использовалось в отношении женщины еще в XVIII в., но лишь в позиции сказуемого или обособленного определения, ср. в наставлении сыну деятеля XVIII в. В. Н. Татищева («Духовная», 1740): «Паче же имея то в памяти, что жена тебе не раба, но товарищ, помощница и во всем должна другом быть нелицемерным, так и тебе к ней должно быть». Как обращение *товарищ* использовалось только в отношении мужчины.

В конце XIX — начале XX в. в революционных кругах слово обрело значение ‘соратник по борьбе’, прежде всего для обращения друг к другу, под влиянием политического употребления европейскими социалистами и деятелями рабочего движения (англ. *comrade*, нем. *Kamerad*, франц. *camarade*). В этом значении оно стало употребляться и в отношении женщины, причем за рамками основной роли обращения, в референтном употреблении — полностью свободно в синтаксическом плане, хотя и в основном в рамках конструкции «товарищ + имя или фамилия»:

— Молодец — настырный мужик! А вот ты, товарищ, науку зря забросила. На кафедре долго не могли поверить, что Печерникова сбежала! (Ю. Поляков. Апофегей, 1990).

От П. И. [Новгородцева] пошел к Паниной и Астрову. У Астрова встретил живую графиню В. Н. Бобринскую, «т о в а р и щ а Варвару» 1905 года, все такую же, чрезвычайно мало изменившуюся на вид, которая горячо сообщала Н. И. [Астрову] какие-то «важные» известия (В. А. Вернадский. Дневник, 1919).

После прихода к власти большевиков в 1917 г. обращение *товарищ* к женщине, в основном с фамилией, широко распространилось, став официальным. Коммуникативная позиция «на равных» и выражение гендерного равенства при обращении к женщине также, в сущности, повышают ее коммуникативный статус.

Далее, возможность обращения к женщине наблюдается для фамильярных мужских обращений XX–XXI вв. *старик* (приятельское, без семантики возраста), *мужик*, *чувак*, *бро*, обычно употребляющихся носителями литературного языка в мужском кругу, частично имеющих жаргонную окраску. Мужская семантика для большинства этих слов очень важна, но и они тоже могут претерпевать прагматический гендерный сдвиг, характеризующийся общими чертами.

Возникновению и функционированию приятельского обращения *старик* (без семантики возраста) посвящены работы [Фуфаева 2020; 2022a; 2022b]. По-видимому, оно возникло в начале XX в. под влиянием французского *top vieux* в среде литературной богемы, см.: [Аксенов 2004].

В словарях значение приятельского обращения без семантики возраста фиксируется с конца XX в., см. значение 5 в БТС: «5. *Фам.* Дружеское обращение к приятелю. *Эй, с., дай прикурить! Ну ты, с., даёшь!»*. Анализ НКРЯ демонстрирует его широкое распространение в источниках, передающих живую разговорную речь, максимальную востребованность в период оттепели; в социолингвистическом аспекте — использование обращения только мужчинами, т. е. принадлежность к мужскому гендерлекту, а также в основном лицами творческих профессий: литераторами, журналистами, художниками, музыкантами, учеными-физиками. С точки зрения прагматики выражает свойскость, откровенность.

В базе текстов НКРЯ не зафиксировано употребления обращения *старик* в адрес женщин, но в юмореске «Как писать о физиках»⁸, посвященной стереотипам о физиках 1960-х годов, их внешнем виде и поведении (молодость, хэмингуэвская борода, свитер, употребление коньяка с шэфом-академиком и т. д.), утверждается, возможно, в качестве шутливой экстраполяции:

⁸ Опубликовано в юмористическом сборнике «Физики продолжают шутить», подготовленном в Обнинске в 1965 г., и отражает неформальный дискурс советских физиков 1960-х годов.

Непременным в обращении должно быть дружественно-фамильярное слово «старик» — независимо от пола, возраста и вероисповедания. «Стариками» можно называть друзей, родителей, шефов, детей. Например, жену: «Старик, ты уже давала грудь Алёшке?» [Конобеев и др. 1968: 146].

Гендерному сдвигу в это же время в локальном сообществе, также связанном с физикой, подвергается и другое фамильярное приятельское обращение *мужик*, зафиксированное в мемуарах К. Э. Воеводского о физфаке Московского государственного университета, где автор учился в 1967–1973 гг. [Воеводский 2012].

В словарях у слова *мужик* не фиксируется отдельная роль обращения, значение ‘любой мужчина’ помечается как сниженное, например в БТС: «2. Разг.-сниж. О любом мужчине. *Сильный м. М. лет пятидесяти. Собрать всех мужиков*», в ТСОШ как просторечное: «2. То же, что мужчина (прост.). *Дельный м. Он м. ничего*».

Но, судя по источникам, примерно с 1960-х годов обращение *мужик* стало востребовано в среде молодых физиков, а затем и в интеллигентской среде в целом как дружеское. Ср. обращение к коллегам в написанной в 1968 г. на Сахалине песне другого выпускника физфака МГУ им. М. В. Ломоносова В. В. Канера «А все кончается, кончается, кончается...»⁹:

И мы когда-нибудь куда-нибудь вернёмся
И станем снова с вами просто мужики! —

а также свидетельство К. Э. Воеводского:

...на физфаке была компания, где обращение «мужик» применялось безотносительно к полу собеседника. Это были комсомольские активисты, но ошибется тот, кто вообразит унылого карьериста 70-х. «Мужики» были симпатичные и способные ребята, а из среды однокашников их выделял горячий общественный темперамент [Воеводский 2012: 505].

Можно сказать, что не только мужская семантика, но и нарочитая грубоватость в духе эпохи не помешала использованию обращения по отношению к женщинам.

Использование по отношению к женщинам еще одного фамильярного мужского обращения, *чувак*, является новацией, появившейся в молодежной среде в 2010-е годы, т. е. охватившей только самый недавний период его существования. Это слово, несмотря на солидный для сленговой единицы возраст, остается распространенным в современном молодежном сленге [Беликов 2014; Суркова, Платонова 2016]. Его первая словарная фиксация состоялась в 1964 г. в публиковавшемся в Праге 6-м томе «Большого русско-чешского словаря», где слово имеет помету «ар-

⁹ URL: <http://www.bards.ru/archives/part.php?id=5795>.

got», и иллюстрации из повести В. П. Аксенова «Звездный билет» (1961) [Корецкий et al. 1964: 519]. Слово помечено как жаргонное в БТС.

Как показано в статье [Фуфаева 2024], слово *чувак* перешло в 1950-е годы из сленга ресторанных музыкантов-«лабухов» в сленг молодежной субкультуры стилиг, ориентированных на западную культуру, далее с 1960-х широко распространилось среди молодежи; в мемуарах отмечается использование обращения *чувак* еще в 1950–1951 гг.

Важность функции обращения для существительного *чувак* вытекает из того, что в этой роли оно выступает часто; в НКРЯ примерно треть контекстов с этим словом содержит его как обращение.

Источниками информации о прагматике обращения являются документальные тексты: дневники, мемуары, а также художественная проза автобиографического характера. Анализ НКРЯ, коллекции Google.Books и корпуса оцифрованных дневников «Прожито» показал, что обращение *чувак* долго было частью мужского гендерлекта, т. е. использовалось лишь мужчинами. В документальных источниках употребление слова женщинами фиксируется только в XXI в., начиная с контекстов устного подкорпуса НКРЯ за 2005 г. в записях разговорной речи студентов:

[Жен., 21 год, 1984 г. р.] Я ему говорю/ «Чувак/ это не такси/ это квартира/ мы уже здесь спим» (Разговор трех женщин, 2005).

В целом обращение *чувак* употребляется женщинами в устном подкорпусе НКРЯ в почти трети случаев (11 из 38 контекстов). Это подтверждает вывод Н. А. Осьмак (по данным опроса ста респондентов — 50 мужчин и 50 женщин) о том, что сейчас уже «говорить об однозначной специфике антрополоксемы *чувак* для мужской или женской речи невозможно» [Осьмак 2018: 51].

В 2019 г. в ходе обсуждения неформальных обращений со стажерами Лаборатории социолингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» выяснилось, что часть из них сталкивалась с использованием обращения *чувак* не только девушками, но и в адрес девушек, после чего было проведено комплексное исследование с помощью анкетирования и исследования соцсетей, подтвердившее, что сейчас адресатами обращения могут быть и девушки (см. подробнее: [Fufaeva, Sobko 2021]). Использование обращения *чувак* в коммуникации девочек-подростков ранее упоминала И. Б. Левонтина [2015: 278].

Во-первых, с помощью подкорпуса ГИКРЯ «ВКонтакте — Кассандра» (на базе социальной сети «ВКонтакте» 2014–2015 гг.), содержащего информацию о гендере автора, по запросу *чувак* была получена выдача из 97 контекстов, в которой оказалось 25 оригинальных контекстов со словом *чувак* в роли обращения, 75% из которых (19 вхождений) созданы женщинами. В девяти случаях удалось определить гендер адресата, он оказался женским в четырех случаях (как и гендер обращающихся). Далее, у трети всех обращающихся женщин в датасете был указан признак «год

рождения» от 1997 до 2000 г., т. е. на момент написания сообщений они были подростками.

Во-вторых, вопрос о гендере адресата был включен в анкету о дружеских обращениях (2019 г.), созданную с помощью Google.Forms и распространенную через социальные сети. На анкету было получено 135 валидных ответов, в том числе 69% от женщин (93 человека), 31% от мужчин (42 человека). Половина респондентов (69 человек) находилась в студенческом возрасте (17–22 года). В целом возрастные когорты распределились так: до 20 лет — 44% (59 человек), 20–29 лет — 15% (20 человек); 30–39 лет — 16% (21 человек); 40–49 — 19% (26 человек); 50–59 — 4% (пять человек); 60–66 — 3% (четыре человека).

Судя по уровню образования (от неполного высшего до степени кандидата наук), местам учебы (Российский государственный гуманитарный университет, Высшая школа экономики, Московский государственный университет, Российский экономический университет имени Плеханова) и сферам занятости (психология, менеджмент, маркетинг, IT, наука и образование), все респонденты являлись носителями современного русского литературного языка; 57,4% респондентов оценили свой уровень коммуникабельности как высокий. Собственное использование обращения *чувак* подтвердили 41% респондентов (48% мужчин и 37% женщин); 65% респондентов всех полов сообщили, что слышали, как кто-то называл так другого человека. Обращение использует в основном молодежь, причем женщины в среднем моложе мужчин: средний возраст их составляет 21 год, 82% моложе 30 лет, тогда как средний возраст мужчин — 25 лет, 75% — моложе 30 лет. Это выше доли всех респондентов моложе 30 лет (59%).

Сталкивались с обращением *чувак* в свой адрес больше половины опрошенных мужчин (23 человека) и каждая десятая респондентка (в возрасте от 17 до 21 года). О возможности использовать обращение *чувак* в адрес девушек сообщила каждая третья респондентка со средним возрастом 23 года, в том числе 24 девушки (80%) моложе 25 лет. О том же сообщил только каждый пятый респондент-мужчина (восемь человек) в возрасте от 18 до 25 лет, т. е. обращение *чувак* к девушке, видимо, более принято в общении между девушками. На вопрос о восприятии обращения *чувак* в адрес девушки большинство девушек выбрали ответы «нормально» и «положительно», меньшинство — «странно» и «неприятно».

В-третьих, в 2020 г. с помощью приложения MAXQDA, широко используемого в маркетинговых исследованиях, мы получили таблицу Excel, содержащую последнюю по состоянию на 9 июля 2020 г. тысячу опубликованных пользователями социальной сети «Twitter» сообщений-твитов и ответов на них, включающих обращение *чувак*. На тот момент сеть была доступна в России, и в ней было легко получить датасет из недавних сообщений, содержащих интересующее слово.

Гендер адресата обращения *чувак* выявлялся вручную, по именам пользователей, содержащих имена собственные, идентифицированные

как мужские или женские, или по наличию в имени определений женского или мужского рода, например, @zabuivchivaya; в других случаях пришлось обращаться к страницам пользователей в поисках женских или мужских окончаний глаголов или прилагательных, с помощью которых пользователь писал о себе. Удалось выявить сто твитов, в которых обращение *чувак* относилось к конкретному адресату, идентифицирующему себя как мужчина или женщина. Количество обращений *чувак* к мужчинам и женщинам оказалось примерно равным: 53 из ста адресовались мужчинам, 47 — женщинам. Из 47 ответов, адресованных женщинам, чуть меньше половины (22) были написаны другими женщинами.

Таким образом, анализ соцсетей и анкетирование подтвердили использование современной молодежью обращения *чувак* по отношению и к мужчинам, и к женщинам, возможно, с разной прагматикой в разных группах носителей языка.

Еще одно неформальное мужское обращение, *бро*, отсутствующее в академических словарях (судя по доступным данным, заимствовано в XXI в. из англ. *bro*, сокращения от *brother*), имеет жаргонную окраску, выражает отношение к адресату как к своему, близкому, надежному товарищу. В 90% контекстов подкорпуса социальных сетей НКРЯ *бро* является обращением, т. е. это его основная функция. В подкорпусе социальных сетей НКРЯ встречается и такое употребление слова по отношению к женщине: «Она мой б р о» (Чат для художников. Telegram Чат для художников, 07.10.2022), но контексты с обращением здесь почти не содержат маркеров гендера адресата в силу краткости.

С помощью ГИКРЯ было получено 167 контекстов из социальной сети «ВКонтакте», содержащих *бро* как обращение, из них в 74 случаях по имени, роду сказуемого или определения и пр. удалось определить гендер адресата: 63 мужчины (85%), 11 женщин (15%). Например: «А ты готов, б р о, платить 3000 рублей за 1 билет на матч?»; «...да, Ксюша, это про тебя) Ты, б р о, приезжай скорее ко мне, потусим». Судя по контекстам, обращение *бро* к девушкам является частью именно молодежной коммуникации.

Гендерный сдвиг мужских обращений интересен еще и тем, что, как правило, он происходит, невзирая на наличие у существительных м. р. женских коррелятов, например *товарка*, фиксирующегося в НКРЯ с начала XIX в., *чувиха* и т. д. В целом ряде случаев для носителей языка гендерный сдвиг мужского обращения оказывается предпочтительнее, чем коннотативный сдвиг его женского коррелята или употребление той или иной номинации женщины в качестве обращения в принципе.

Заключение

Обращения могут переживать гендерный сдвиг, состоящий в употреблении их в адрес лиц другого гендера, а именно в употреблении таких обращений, как *мамочка*, *матушка* (а также *голубушка*), в адрес мужчин, а обращений типа *товарищ*, *дружочек*, *чувак* — в адрес женщин.

Изменение прагматики обращений происходит в определенных условиях.

Так, употребление женских обращений в адрес мужчин связано с покровительственной позицией говорящего, как правило старшего по возрасту и статусу; эти обращения выражают ласковое, покровительственное, добродушное отношение старшего к младшему¹⁰. Аналогичная прагматика характерна и для употребления ласкательных мужских обращений типа *дружочек*, *голубчик* в адрес женщины.

Иная прагматика характеризует употребление в адрес женщин мужских обращений, предполагающих коммуникацию на равных: *товарищ*, *чувак*, *бро* и т. д.

Обращение *товарищ* претерпело гендерный сдвиг, уже будучи политически окрашенным, выражая отношение к собеседнику как к соратнику по борьбе, и его перенос на женщину маркировал принятие ее в этот круг как равной и в известном смысле повышение ее статуса.

Употребление мужчинами фамильярных и даже мужских обращений в адрес женщин может выражать отношение к женщинам не просто на равных, но и как к «своему брату», принятие женщин в сообщество типа «мужского клуба», ср., например, сообщество комсомольских активистов-физфаковцев 1960-х.

В то же время употребление фамильярных приятельских мужских обращений в коммуникации между девушками может отражать стремление к переносу в женское сообщество отношений, аналогичных отношениям в мужских неформальных сообществах. При этом обращения, являющиеся частью мужского гендерлекта, предварительно переживают и другой прагматический сдвиг, начиная использоваться не только мужчинами, но и женщинами, что произошло в 2000-е годы с обращением *чувак*.

Во всех этих случаях мы говорим не о гендерно нейтральных обращениях, а о гендерном сдвиге, связанном с десемантизацией (семантическим опустошением), что ощущается носителями языка как живой процесс. В основном такой сдвиг происходит вне литературного языка, хотя некоторые типы употреблений могут закрепляться как норма (что произошло, например, с обращением *товарищ*).

Можно предположить также, что обращения, связанные с ласковым покровительством, относятся скорее к патриархальному обществу, а говорящим обычно является мужчина. В частности, они характерны для художественной литературы XIX — начала XX вв. Напротив, «товарищеский» сдвиг демонстрирует демократичные тенденции, уравнивание статусов, и адресатом такого обращения становится женщина. Он характерен для революционного периода и для XXI в.

¹⁰ Несколько особняком стоит употребление *мамочка* в семейном кругу. Небольшое количество примеров не дает возможности оценить корреляцию между обращением и отношениями в семье.

Источники

- Аксенов 2004 — *Аксенов В. П.* Десятилетие клеветы (радиодневник писателя). М.: Изографус; Эксмо, 2004.
- Воеводский 2012 — *Воеводский К. Э.* «Мужики» — последний вздох «оттепели» // Шестидесятые годы на физфаке ЛГУ: Сб. воспоминаний. Вып. 1 / Сост. Э. Бурторина, Е. Друкарев, А. Лавров, И. Погодин, В. Федоров. Гатчина: Изд-во ФГБУ «ПИЯФ», 2012. С. 505–507.
- Конобеев и др. 1968 — Физики продолжают шутить / Сост. Ю. Конобеев, В. Павлинчук, Н. Работнов, В. Турчин. М.: МИР, 1968.

Словари

- БТС — Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.
- Даль 1903 — Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: В 4 т. / Под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 1: А — З. СПб; М.: Т-во М. О. Вольф, 1903.
- МАКС — Словарь русского языка: [малый академический]: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1981–1984.
- ТСОШ — *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. [Цит. по электрон. версии]. URL: <https://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=244>.
- ТСУ — Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.» ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935–1940.
- Корексij et al. 1964 — *Velky rusko-česky slovník / Za ved. L. Korpeckeho [a. j.] zprac. kol. spolupracovníku. Sv. 6.* Praha: Nakl. Československo-sovětského institutu, 1964.

Литература

- Беликов 2014 — *Беликов В. И.* Чуваки унывают, или Реальный способ конкретно отслеживать динамику узуса // Мода в языке и коммуникации: Сб. ст. / Сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова; Ред. М. А. Кронгауз, Г. Е. Крейдлин, И. А. Шаронов. М.: РГГУ, 2014. С. 56–82.
- Бурас, Кронгауз 2013 — *Бурас М. М., Кронгауз М. А.* Обращения в русском семейном этикете: семантика и прагматика // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 121–131.
- Кронгауз 2023 — *Кронгауз М. А.* Семантические и прагматические перевоплощения слова *матушка* // Русский язык за рубежом. 2023. № 5. С. 48–56. <https://doi.org/10.37632/PI.2023.300.5.007>.
- Кронгауз и др. 2023 — *Кронгауз М. А., Клокова К. С., Шульгинов В. А., Юдина Т. А.* Трансформация семантики мамочки: от жены до пушки // Слово.ру: балтийский акцент. Т. 14. № 4. 2023. С. 105–124. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-4-6>.
- Левонтина 2015 — *Левонтина И.* О чём речь. М.: Corpus, 2015.
- Осьмак 2018 — *Осьмак Н. А.* Чувак и чувиха в современной повседневной речи // Коммуникативные исследования. 2018. № 1 (15). С. 45–48. <https://doi.org/10.25513/2413-6182.2018.1.45-55>.
- Суркова, Платонова 2016 — *Суркова В. А., Платонова Е. В.* Молодежный сленг // *Lingua Académica: Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики: Материалы Всерос. науч.-практ. конф.* / Под ред. Н. А. Крашенинниковой. Ульяновск: УлГУ, 2016. С. 190–195.
- Фуфаева 2020 — *Фуфаева И. В.* История появления в русском языке дружеских обращений *старина* и *старик* // Слово.ру: балтийский акцент. Т. 11. № 4. 2020. С. 108–117. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2020-4-9>.

- Фуфаева 2022a — *Фуфаева И. В.* Слово как симулякр: случай приятельского обращения *старина* // Шаги / Steps. Т. 8. № 3. 2022. С. 304–320. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-304-320>.
- Фуфаева 2022b — *Фуфаева И. В.* «Старик, ты гений!». Об одном языковом средстве выражения одобрения // Культура и текст. 2022. № 1 (48). С. 166–176. <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2022-1-166-176>.
- Фуфаева 2024 — *Фуфаева И. В.* К истории русского арготизма *чувиха* // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. Т. 21. № 1. 2024. С. 66–181. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.109>.
- Fufaeva, Sobko 2021 — *Fufaeva I., Sobko E.* The usage of gender-neutral friendly addresses in the Russian language on the example of the address *chuvak* ‘dude’ // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной междунар. конф. «Диалог» (2021) = Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (2021). Вып. 20. Дополнит. том / [Гл. ред. В. П. Селереј]. М.: РГГУ, 2021. С. 1206–1214. <https://doi.org/10.28995/2075-7182-2021-20-1206-1213>.

References

- Belikov, V. I. (2014). *Chuvaki unyvaiut*, ili real’nyi sposob konkretno otslezhivat’ dinamiku uzusa [*Chuvaki unyvaiut*, or The ‘real’ way for ‘concrete’ tracking of the dynamics of usage]. In L. L. Fedorova et al. (Eds.) *Moda v iazyke i kommunikatsii: Sbornik statei* (pp. 56–82). RGGU. (In Russian).
- Buras, M. M., & Krongauz, M. A. (2013). Obrashcheniia v russkom semeinom etikete: semantika i pragmatika [Appeals in Russian family etiquette: semantics and pragmatics]. *Voprosy jazykoznanija*, 2014(2), 121–131. (In Russian).
- Fufaeva, I. V. (2020). Istoriia poiavleniia v russkom iazyke družeshkikh obrashchenii *starina* i *starik* [History of the words *starina* and *starik* as terms of friendship in Russian]. *Slovo. ru: baltiiskii aktsent*, 11(4), 108–117. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2020-4-9>. (In Russian).
- Fufaeva, I. V. (2022a). Slovo kak simuliakr: sluchai priiatel’skogo obrashcheniia *starina* [The word as simulacrum: The case of the friendly form of address *starina* ‘old man’]. *Shagi / Steps*, 8(3), 304–320. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-304-320>. (In Russian).
- Fufaeva, I. V. (2022b). “Старик, ты гений!”. Ob odnom iazykovom sredstve vyrazheniia odobreniia [“Старик, ты гений!” (“Old man, you are a genius!”). About one language means of expressing approval]. *Kul’tura i tekst*, 2022(1, no. 48), 166–176. <https://doi.org/10.37386/2305-4077-2022-1-166-176>. (In Russian).
- Fufaeva, I. V. (2024). K istorii russkogo argotizma *chuvikha* [On the history of Russian argotism *chuvikha*]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iazyk i literature*, 21(1), 66–181. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.109>. (In Russian).
- Fufaeva, I., & Sobko, E. (2021). The usage of gender-neutral friendly addresses in the Russian Language on the example of the address *chuvak* ‘dude’. In V. P. Selegei et al. (Eds.). *Komp’iuternaia lingvistika i intellektual’nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii “Dialog” (2021) = Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (2021)* (Issue 20, Suppl. Vol., pp. 1206–1214). RGGU. <https://doi.org/10.28995/2075-7182-2021-20-1206-1213>.
- Krongauz, M. A. (2023). Semanticheskie i pragmaticheskie perevoploshcheniia slova *matushka* [Semantic and pragmatic transformations of the Russian word *matushka* ‘mother’]. *Russkii iazyk za rubezhom*, 2023(5), 48–56. <https://doi.org/10.37632/PI.2023.300.5.007>. (In Russian).
- Krongauz, M. A., Klokova, K. S., Shulginov, V. A., & Yudina, T. A. (2023). Transformatsiia semantiki mamochki: ot zheny do pushki [Semantic transformation of the noun *ma-*

- mochka*: from 'wife' to 'cannon']. *Slovo.ru: baltiiskii aktsent*, 14(4), 105–124. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2023-4-6>. (In Russian).
- Levontina, I. (2015). *O chem rech'* [What is it about]. *Corpus*. (In Russian).
- Osmak, N. A. (2018). *Chuvak i chuvikha v sovremennoi povsednevnoi rechi* [*Chuvak and chuvikha in modern everyday speech*]. *Kommunikativnye issledovaniia*, 2018 (1, no. 15), 45–48. <https://doi.org/10.25513/2413-6182.2018.1.45-55>. (In Russian).
- Surkova, V. A., & Platonova, E. V. (2016). Molodezhnyi sleng [Youth slang]. In N. A. Kra-shenninnikova (Ed.). *Lingua Academica: Aktual'nye problemy lingvistiki i lingvodidaktiki, materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (pp. 190–195). UIGU. (In Russian).

Информация об авторах

Максим Анисимович Кронгауз

доктор филологических наук
профессор, главный научный
сотрудник, Учебно-научная
лаборатория социолингвистики,
Российский государственный
гуманитарный университет
Россия, 125047, Москва, Миусская пл.,
д. 6

✉ mkronhaus@yandex.ru

Ирина Владимировна Фуфаева

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,
Учебно-научная лаборатория
социолингвистики, Российский
государственный гуманитарный
университет
Россия, 125047, Москва, Миусская пл.,
д. 6

✉ iriel@inbox.ru

Information about the authors

Maxim Anisimovich Krongauz

Dr. Sci. (Philology)
Professor, Chief Researcher, Head
of the Sociolinguistics Laboratory,
Russian State University
for the Humanities
Russia, 125047, Moscow,
Miusskaya Sq., 6

✉ mkronhaus@yandex.ru

Irina Vladimirovna Fufaeva

Cand. Sci. (Philology)
Senior Researcher, Sociolinguistics
Laboratory, Russian State
University for the Humanities,
Russia, 125047, Moscow,
Miusskaya Sq., 6

✉ iriel@inbox.ru